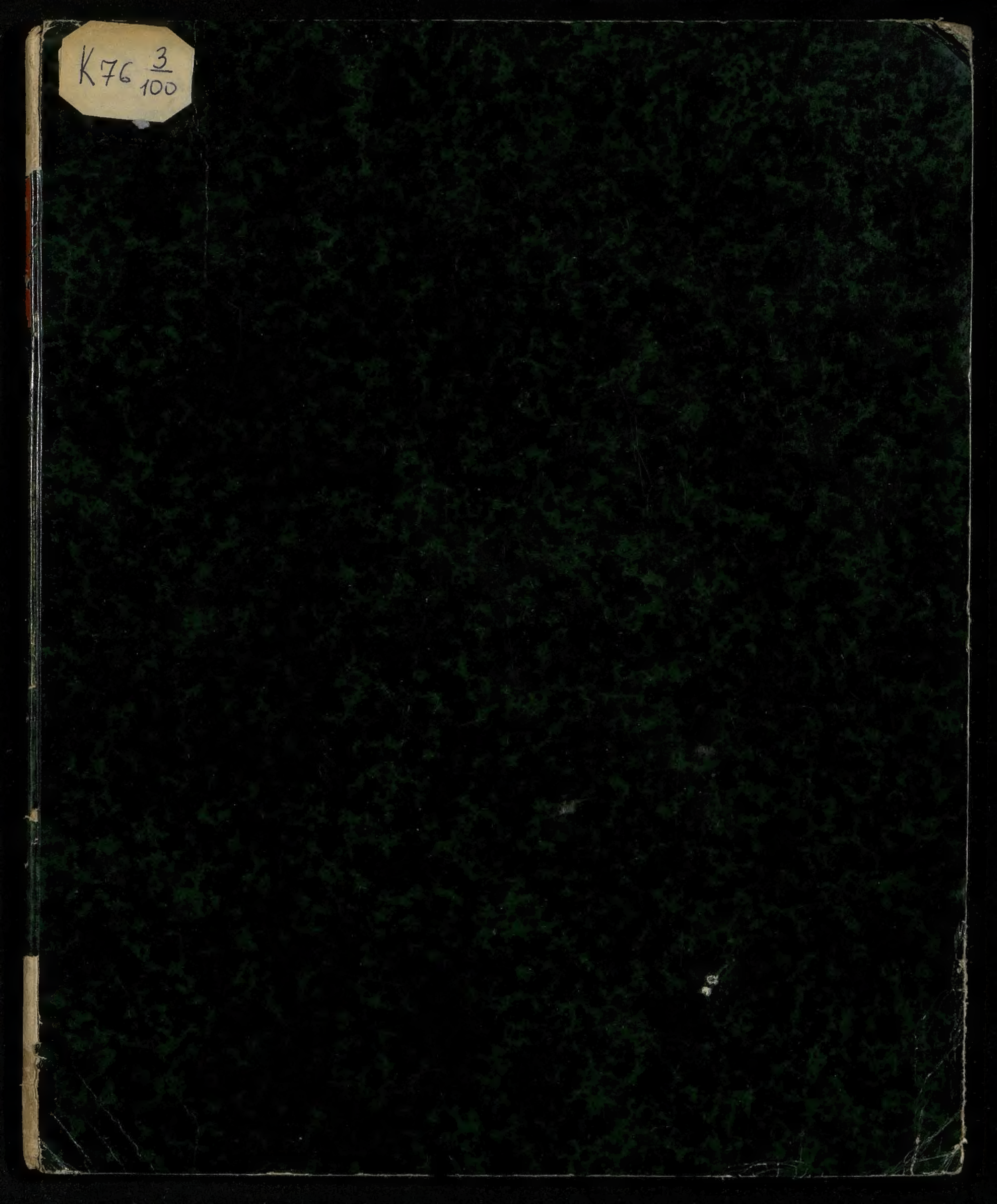

K76 3/100

1607

Его Сiятельству

Графу Алексiю Сергѣевичу

Уварову.

Въ знакъ искренняго, душевнаго почтенiя и преданности

отъ Сочинителя

Одесса.
16го Августа 1848.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ЯЗЫКА РУССКАГО

И ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕГО

КЪ ЯЗЫКАМЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИМЪ.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ЯЗЫКА РУССКАГО

И ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕГО

КЪ

ЯЗЫКАМЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИМЪ.

РѢЧЬ,

ЧИТАННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ РИШЕЛЬЕВСКАГО ЛИЦЕЯ ВЪ ОДЕССѢ,

20-го Іюня 1848 года,

Профессоромъ Константиномъ Зеленецкимъ.

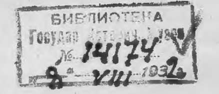

ОДЕССА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Т. НЕЙМАНА И КОМП.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, 26-го Мая 1848 года.

Цензоръ В. Пахманъ.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ЯЗЫКА РУССКАГО
И ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕГО
КЪ ЯЗЫКАМЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИМЪ.

Отъ благосклонности вашей Мм. Гг. жду одобренія въ настоящемъ случаѣ при бѣгломъ разсмотрѣніи особенностей отечественнаго языка нашего, не смотря на все превосходство и величіе самаго дѣла. Другіе предметы знанія, составляя исключительное достояніе людей, посвященныхъ въ ихъ таинства, подлежатъ суду общественному въ меньшей мѣрѣ. Напротивъ языкъ народный есть достояніе каждаго и говоритъ самъ за себя. Сомнѣніе, которое въ другомъ случаѣ могло бы пройти незамѣтно, здѣсь высказывается невольно и готово поколебать въ основаніи всякое положеніе сколько нибудь невѣрное. Языкъ русскій въ особенности свѣтелъ самъ по себѣ и могучъ до того, что, перенося въ свою сферу предметы самые отвлеченные, запечатлѣваетъ ихъ чертами рѣзкими, осязательно-понятными для ума. И такъ, предметъ слова нашего — языкъ русскій.

Было время, когда сами иностранцы [1]) упрекали насъ въ томъ, что

---

[1]) Еще въ 1810 году мадамъ Сталь въ своемъ сочиненіи : de l'Allemagne (Oeuvres complètes de madame la baronne de Staël-Holstein. Paris, 1838, tome deuxième gr. in 8° 20 pag.) писала изъ Вѣны : «Русскіе и Поляки, составлявшіе украшеніе вѣнскаго общества, говорили только по французски и языкомъ этимъ вытѣсняли нѣмецкій. ... Подражаніе французскому вкусу даже въ Русскихъ и Полякахъ — націяхъ всего болѣе гибкихъ, становится утомительно: французскіе стихи, написанные Русскими, похожи на латинскіе стихи среднихъ вѣковъ. Иностранный языкъ есть всегда и во многихъ отношеніяхъ языкъ мертвый. Сочинять французскіе стихи есть дѣло вмѣстѣ и самое легкое, и самое трудное. Переставлять и потомъ на тотъ же ладъ связывать полустишія писателей уже извѣстныхъ есть дѣло памяти. Надобно дышать воздухомъ страны, мыслить на языкѣ ея, наслаждаться и страдать, выражаясь на этомъ языкѣ, для того, чтобы

мы слишкомъ пристращены къ французскому языку и отчасти пренебрегаемъ своимъ отечественнымъ. И должно признаться, упрекъ этотъ былъ совершенно справедливъ, законенъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое языкъ народа, какъ не органъ всей его умственной, нравственной и общественной жизни? Слово возникаетъ изъ глубочайшихъ нѣдръ организма нашего и есть голосъ самаго духа. Отъ того то особность народа, его вѣрованія, понятія, завѣтныя думы ни въ чемъ не выражаются въ такой опредѣлительности, какъ въ языкѣ. Пренебречь свой языкъ значитъ пренебречь самаго себя, значитъ произвольно лишить себя того участія, которое дано Провидѣніемъ каждому народу, а слѣдовательно и каждому его члену, въ общихъ судьбахъ человѣчества. Чужой природы, чужаго образованія въ первоначальныхъ движеніяхъ ума и сердца, а слѣдовательно и чужаго языка, усвоить себѣ мы не можемъ. Что же такое будемъ мы, если забудемъ свой языкъ, голосъ своего сердца и ума? Можно ли оставлять безъ вниманія то, что въ кругу всего человѣчества даритъ народу самобытность и призываетъ его къ особому труду и особой цѣли въ общемъ дѣлѣ образованія и развитія?

Но замѣчанія, о которыхъ мы упомянули выше, справедливы были лѣтъ за тридцать предъ этимъ. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось.

живописать въ поэзіи свои дѣйствительныя чувства. Иностранцы (не-французы), которые прежде всего думаютъ льстить своему самолюбію тѣмъ, что говорятъ правильно по-французски не смѣютъ судить иначе о нашихъ писателяхъ, какъ по приговорамъ нашихъ же литературныхъ извѣстностей изъ опасенія конечно, чтобы не подать виду, что эти писатели не понятны для нихъ... Если вы встрѣчаете настоящаго француза, вы находите удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ о литературѣ французской; вы чувствуете, что находитесь у себя, въ своемъ кругу; но офранцуженный иностранецъ (un étranger françisé) не позволитъ себѣ ни мысли, ни выраженія, которыя бы не были освящены какимъ либо авторитетомъ; къ тому же весьма часто принимаетъ онъ авторитетъ уже устарѣлый за современное и господствующее мнѣніе». Читая эти строки, удивляешся уму и проницательности женщины, которая такъ вѣрно и такъ глубоко понимала значеніе національности и въ языкѣ и въ мышленіи еще въ то время, когда сознаніе этой идеи не было пробуждено въ европейскихъ народахъ и когда французское вліяніе продолжало господствовать въ ихъ высшихъ слояхъ.

Успѣхамъ XIX столѣтія, нашей политической славѣ, которая невольно пробудила сознаніе національнаго достоинства, наконецъ природному уму русскому, который легко освобождается отъ увлеченій и очарованій всякаго рода, обязаны мы тѣмъ, что обвиненія, означенныя выше, нѣкогда совершенно вѣрныя, теперь постоянно, все болѣе и болѣе теряютъ свою силу. Мы сознаемъ себя, цѣнимъ и любимъ свой языкъ, свою народность. Да и какъ не цѣнить этой народности, когда столько свѣтлыхъ и благородныхъ сторонъ высказано въ ней Батюшковымъ и Жуковскимъ, Пушкинымъ и поэтами его окружавшими. И какъ ясно и единодушно на отдаленнѣйшихъ концахъ нашего отечества сознали мы Русскіе эту любовь къ своему народному теперь, въ минуту, когда Западъ, преклонный лѣтами, поколебался въ основахъ своей гражданственности и пошатнувшись отверзъ между собой и нами пучину, которая отдѣлитъ насъ и позволитъ жить своимъ умомъ и началами своей жизни, подъ сѣнію Царей мудрыхъ и доблестныхъ.

Понятно однакожъ, что сначала мы болѣе другихъ народовъ увлеклись и языкомъ французскимъ и подражаніемъ французамъ въ быту домашнемъ: недавность, молодость нашего образованія были тому причиной. Притомъ Франціи, конечно по законамъ, которые не зависятъ отъ произвола человѣческаго, суждено было съ конца XVII-го столѣтія распространить свой языкъ и вліяніе по всей сѣверной Европѣ, такъ что и до сихъ поръ языкомъ общимъ въ сношеніяхъ разноплеменныхъ Европейцевъ служитъ французскій [2]). Замѣтимъ, что равномѣрное участіе каждаго изъ европейскихъ народовъ въ успѣхахъ новаго образованія требовало и языка общаго, повсюду распространеннаго. Языкъ этотъ при томъ не могъ быть какой нибудь мертвый: онъ долженъ былъ

---

[2]) Другое подобное этому явленіе находимъ мы въ томъ, что итальянскій языкъ распространенъ между низшими, промышлёнными классами по всѣмъ берегамъ восточной половины Средиземнаго моря.

принадлежать тому именно народу, который отличается и характеромъ наиболѣе общительнымъ и участіемъ болѣе дѣятельнымъ въ европейской политикѣ. Таковы именно долгое время были Французы. Ихъ обходительность, свѣтскость сдѣлались образцемъ въ сношеніяхъ и связяхъ лицъ высшаго круга, и опредѣлили собою тонъ дипломатическихъ сношеній во всей Европѣ. Замѣчательно, что Французы нашего времени теряютъ эти свойства съ каждымъ днемъ, а это показываетъ кажется, что призваніе Франціи въ обще-европейской жизни, исполнивъ свое назначеніе, приходитъ къ концу.

Да, въ наше время, когда за французскимъ языкомъ, уже распространившимся по всей Европѣ, осталось значеніе условія, необходимаго для обще-европейскихъ сношеній, значеніе чистой формы, вліяніе французскаго вкуса и образованія утратилось. Все стремится къ своей народности и силится высказать ее не только въ литературѣ и изящныхъ искуствахъ, но и въ формахъ частной жизни. При этомъ общемъ сознаніи, разумѣется, первое вниманіе народа должно быть обращено на языкъ, какъ на ближайшій органъ его національности. Въ этомъ отношеніи нашъ русскій языкъ представляетъ собою явленіе не только весьма замѣчательное и любопытное, но и требующее глубокаго изученія. Причина этому во первыхъ въ томъ участіи, которое столь очевиднымъ образомъ и въ размѣрахъ столь исполинскихъ суждено народу русскому принять въ дѣлѣ и въ развитіи обще-человѣческаго образованія, а языкъ, повторяемъ, есть органъ-представитель и главный дѣятель этого развитія. Во вторыхъ причиной этому служитъ столкновеніе, въ которое національность наша пришла съ образованіемъ Запада, и которое прежде и очевиднѣе всего выразилось въ языкѣ, — столкновеніе необходимое и благотворное, пока мы нуждались въ немъ.

Вотъ почему въ языкѣ русскомъ двѣ стороны. Первая изъ нихъ есть его внутренняя, могучая сила, которая съ одной стороны выражается въ гибкости его грамматическихъ формъ, а съ другой въ ясности

и опредѣленности идей имъ знаменуемыхъ. Здѣсь-то, въ основѣ этого знаменованія, почіетъ мудрость народа. Эта мудрость — въ его первоначальныхъ убѣжденіяхъ, въ тѣхъ постиженіяхъ сторонъ природы и жизни, которыя самъ собою, внушеніемъ своего генія сознавалъ онъ по мѣрѣ того, какъ развивалась его особная національность со своимъ органомъ и опредѣленнѣйшимъ выраженіемъ, языкомъ. Вторая сторона въ языкѣ русскомъ есть потокъ выраженій, принесенныхъ съ Запада, необходимый и неизбѣжный. Онъ необходимъ и неизбѣженъ потому что образованіе западной Европы долженствовало быть усвоено Русью, которой историческое призваніе состоитъ именно въ усвоеніи, претвореніи въ себя и потомъ въ передачѣ грядущимъ поколѣніямъ или племенамъ благихъ и полезныхъ результатовъ этого образованія. Но эта чуждая стихія въ языкѣ нашемъ, при всей своей неизбѣжности, не въ силахъ и не должна подавить первой, внутренней его стихіи : напротивъ, сія послѣдняя должна пересоздать все чужое по способу и образу своего ума и постиженія. Разумѣется, своеобразность народнаго генія нашего въ его умѣ и словѣ довольно сильна, чтобы совершить это пересозданіе не только съ успѣхомъ, но и безъ ущерба своей національности.

Прежде однакожъ, нежели мы перейдемъ въ поле филологіи собственно, мы будемъ отвѣчать на вопросъ : что такое философія или врожденная мудрость языка вообще ? Первоначальныя объясненія верховныхъ задачь бытія, природы и жизни, слѣдовательно высшая философія, вложены въ душу человѣка самимъ Откровеніемъ, просіявшимъ въ ней въ первыя минуты творенія. Оно направило умъ человѣка къ высшимъ цѣлямъ Богопознанія и вѣденія. Вотъ почему каждый народъ, въ первоначальныхъ своихъ убѣжденіяхъ и въ томъ способѣ, какъ постигаетъ и объясняетъ онъ себѣ природу и жизнь, есть мудрецъ и философъ. Разумъ и мысль не дѣйствуютъ однакожъ безъ слова. Въ словѣ, въ знаменованіи его грамматическихъ формъ, въ смыслѣ тѣхъ его реченій, которыя относятся къ внутреннимъ сторонамъ бытія и знанія, сторонамъ

сокрытымъ отъ чувственнаго взора, заключенъ весь умъ народа со всѣми особенностями его въ пониманіи міра дѣйствительнаго. Если къ этому присоединимъ, что мышленіе и слово возникли въ человѣкѣ одновременно и слились въ одно живое цѣлое, — положеніе, въ которомъ нынѣ никто не сомнѣвается, — что, стало быть, и въ народѣ глубочайшія и искреннѣйшія движенія его ума и чувства неразлучны съ выраженіемъ своимъ въ языкѣ; то мнѣніе, высказанное нами въ началѣ этого параграфа, получитъ еще болѣе законности и мы поймемъ, что значитъ мудрость и философія языка. Это именно то значеніе какъ грамматическихъ его формъ, такъ и реченій, въ коемъ выражается особый, національный взглядъ этого народа на природу и жизнь, взглядъ, если хотите, недоступный для простолюдина, т. е. не сознаваемый имъ, хотя, какъ членъ народа, онъ и самъ имѣетъ его, но понятный для человѣка, призваннаго и приготовленнаго къ размышленію. Вотъ въ чемъ мудрость и философія языка.

Замѣтимъ однакожъ, что въ каждомъ народѣ эта врожденная философія имѣетъ согласно съ историческими условіями его жизни, свой особый характеръ. Она выражается въ особомъ взглядѣ этого народа не только на природу и жизнь, но и на обычный ходъ дѣлъ и событій въ мірѣ общественномъ и гражданскомъ, въ сферѣ науки, искуства и промышленности. Кромѣ общаго смысла человѣческаго и общихъ началъ истины, блага и лѣпоты, у каждаго народа во всѣхъ этихъ частныхъ отношеніяхъ свои понятія; у каждаго свои особые пріемы и способы уразумѣвать такъ или иначе явленія общества и жизни, своя точка зрѣнія, своя мудрость и философія. Утонченный корень этой философіи, со всѣми ея особенностями, глубоко сокрытъ въ національномъ характерѣ народа, въ его умственномъ и нравственномъ образованіи. Понятно, что и особность, національность народной мудрости всего полнѣе выражается также въ языкѣ народа. Потому какъ нѣтъ совершенной одинаковости въ понятіяхъ и умственномъ образованіи

двухъ народовъ, такъ не можетъ быть и совершеннаго сближенія, совершенной одинаковости между двумя языками. Нѣмецкаго Gemüth, какъ нашихъ «разгулъ, приволье», какъ и французскаго le comme il faut и какъ англійскаго comfort нельзя въ точности перевести ни на какой языкъ. Вотъ почему на каждый языкъ должно смотрѣть какъ на нѣчто органически-живое, нѣчто такое, что поддается насильственному вліянію иноплеменныхъ началъ только болѣзненно, временно. Разница между языками таже, что и между самими народами: физіономія въ обоихъ случаяхъ неуловима [3]). Народъ, которому суждена высшая роль въ судьбахъ человѣчества, имѣетъ и языкъ болѣе своеобразный, сильный и богатый. Какъ нѣмецкому свойственна глубина и отвлеченность, французскому — выраженіе всѣхъ мельчайшихъ отношеній общественной жизни, англійскому своего рода механическая поворотливость [4]), такъ русскому — образная, пластическая опредѣлительность и близость къ явленіямъ природы и жизни, чрезъ посредство мысли, всего менѣе односторонней. Вотъ въ чемъ различіе въ мудрости разныхъ народовъ и языковъ.

Какова же эта мудрость, эта врожденная философія въ языкѣ русскомъ? Его грамматическія формы, т. е. словотеченіе и образованіе именъ и глаголовъ, покажутъ намъ его характеръ или тѣ свойства, въ коихъ философія эта проявляется. Вся же полнота народнаго ума и генія раскроется въ его лексической сторонѣ, въ значеніи словъ и реченій. Сперва первое, потомъ второе.

Русскій языкъ пользуется *совершенно свободнымъ расположеніемъ*

---

[3]) Потому то буквальные переводы съ одного языка на другой невозможны. Нельзя двухъ языковъ укладывать въ одну форму и опредѣлять по одной мѣркѣ. Съ другой однакожь стороны нельзя не видѣть ихъ относительныхъ преимуществъ, нельзя не видѣть какой изъ нихъ богаче, гибче, какой живѣе и ощутительнѣе срастается съ мыслію.

[4]) Какъ извѣстно, въ немъ почти нѣтъ грамматики, т. е. она проста и несложна до чрезвычайности.

словъ въ рѣчи, такъ что они могутъ слѣдить за движеніями ума и мыслію писателя, такъ сказать, по ея пятамъ, переставляясь и уклоняясь соотвѣтственно всѣмъ ея изгибамъ и уклоненіямъ. Особенности этой не имѣли языки Древніе, не имѣютъ и многіе изъ новѣйшихъ, какъ на примѣръ французскій. Нѣмецкому она свойственна въ мѣрѣ болѣе ограниченной, нежели русскому. При этой свободѣ однакожъ есть нѣкоторыя *правила* (законами ихъ назвать нельзя), соблюденіе которыхъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, предпочтительно. Таковы на примѣръ *поставленіе управляющаго слова прежде управляемаго* (во французскомъ совершенно на оборотъ [5]), *непосредственное примыканіе всего опредѣляющаго,* дополняющаго и объясняющаго *къ частямъ предложенія дополняемымъ, опредѣляемымъ* и *объясняемымъ,* что въ Нѣмецкомъ на примѣръ не такъ необходимо, а въ языкахъ Древнихъ и тѣмъ менѣе. Во французскомъ же это не такъ очевидно, какъ у насъ, потому что тамъ система причастій не развита въ такой мѣрѣ, какъ въ языкѣ нашемъ. Наконецъ *третье* свойство языка русскаго въ расположеніи словъ въ рѣчи состоитъ въ томъ, что конечно ни одинъ изъ языковъ современной Европы не владѣетъ *съ такою силою и гибкостію, какъ онъ, рѣчью равно періодической, какъ и отрывистою.* Нѣмецкій склоненъ болѣе къ періодамъ, къ этой совокупной формѣ выраженія, которая смыкается сама въ себѣ, сосредоточивается въ своей сложности, подобно тому какъ и мышленіе германское и философія и наука Нѣмцевъ есть особый, отвлеченный міръ, хотя вѣрный дѣйствительности, но уносящій ее въ область умозрѣнія и перестраивающій ее тамъ со своей особной теоретической точки зрѣнія. Французскій не ловко укладывается въ періоды и форму предложенія предпочитаетъ формѣ періода. Языки Древле-классическіе рѣшительно

---

[5]) Точно также большая часть именъ, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ мужескій родъ, суть во французскомъ рода женскаго и на оборотъ. Фактъ замѣчательный, свидѣтельствующій, кажется, о различномъ взглядѣ на предметы міра внѣшняго.

болѣе склонны къ рѣчи періодической. Только русскій, разумѣется по нуждѣ и надобности, съ равной свободою употребляетъ то ту, то другую форму выраженія. Потому-то рѣчь его есть «соразмѣренная» по преимуществу. Мысль и ея выраженіе срастаются въ немъ въ живой, гибкій организмъ, полный движенія и сочувствія уму. Возразятъ, что это находимъ мы во всѣхъ языкахъ. Такъ, но рѣдко гдѣ въ такой мѣрѣ, какъ въ русскомъ. Въ нѣмецкой рѣчи на примѣръ преобладаетъ идеальная сторона мышленія, во французской — сторона выраженія. Вотъ почему въ нѣмецкую рѣчь такъ свободно входятъ слова чужеземныя (припомните на примѣръ все, что писали Пюклеръ-Мюскау и Г-жа Ганъ-Ганъ); а во французскомъ подобныя вторженія суть дѣло неслыханное. Русскій принимаетъ ихъ, но непремѣнно пересоздаетъ.

Таковы три отличительныя черты въ словотеченіи русской рѣчи. Какой же характеръ сообщаютъ они ей? *характеръ естественности* и какой то художественной, *пластической опредѣленности и ясности.* Повторяемъ, всякій языкъ способенъ приближаться къ этому, но ни одинъ въ такой мѣрѣ, какъ нашъ отечественный. Сознавать это можемъ только мы сами Русскіе, потому что иностранные языки всѣмъ намъ извѣстны въ большей или меньшей мѣрѣ, а русскій Западно-европейцамъ совсѣмъ нѣтъ.

Образованіе именъ и глаголовъ въ языкѣ нашемъ разнообразно и своенравно до того, что трудно теоріи уловить это образованіе. *Имена и глаголы образуются у насъ изъ всѣхъ прочихъ частей рѣчи.* Припомнимъ слова : самость, ахать, улучшать, переиначивать, учащать, усвоять, двоить, троить, сквозить, близить, улучшать, околичность, опричникъ и множество другихъ. *Отсутствіе членовъ для означенія родовъ и падежей* свидѣтельствуетъ, что измѣненія именъ въ этихъ случаяхъ совершаются въ немъ *органически,* т. е. что имена, если позволено такъ выразиться, живутъ и дышутъ въ немъ этими измѣненіями. *Лишній падежъ* увеличиваетъ его разнообразіе и богатство. *Опущеніе вспомогательнаго глагола* (есть, est, ist), въ составѣ простыхъ предложеній

увеличиваетъ его *силу*, которая при этомъ *живо* и ощутимо выражается въ *усѣченіи* прилагательныхъ сказуемыхъ. Усѣченія окончаній не имѣетъ ни одинъ европейскій языкъ, кромѣ развѣ нѣмецкаго въ нѣкоторой мѣрѣ, а это свойство сообщаетъ выраженію особую силу. *Имена увеличительныя, уменьшительныя, ласкательныя способны* выражать всѣ разнообразные оттѣнки особнаго, *личнаго взгляда* на предметы. Этимъ свойствомъ владѣютъ и другіе европейскіе языки, но не въ такой мѣрѣ, какъ русскій. Одинъ итальянскій превосходитъ его кажется въ этомъ отношеніи. *Двойное склоненіе именъ*, каковы : полдень, Новгородъ, полтора и проч. не свидѣтельствуетъ ли о *воспріимчивости* словъ, готовыхъ всячески измѣняться, чтобы только выразить изгибы мысли? *Сходство винительнаго падежа съ именительнымъ и родительнымъ* въ именахъ неодушевленныхъ и одушевленныхъ предметовъ, равно какъ и особенность именъ рода женскаго въ этомъ случаѣ, очевидно показываютъ, что языкъ нашъ живо проникается той мыслію, которую выражаетъ.

Важнѣйшая однакожъ стихія въ каждомъ языкѣ есть глаголъ. Онъ выражаетъ предметъ не въ его отвлеченномъ, недвижномъ пребываніи, какъ созерцаетъ его мышленіе, но на противъ — его жизнь, бытіе и дѣйствіе. Притомъ въ измѣненіяхъ и изгибахъ глаголовъ важна не сторона качества, выражающая способъ дѣйствія (*залогъ*), потому что этотъ способъ дѣйствія, бытія или состоянія выражается прямо самимъ значеніемъ даннаго глагола. Въ этихъ измѣненіяхъ важно напротивъ *значеніе той мѣры, въ какой дѣйствіе исполняется* : общимъ названіемъ дѣйствія, опредѣляющимъ его характеръ, эта мѣра еще не означается : для этого надобно видоизмѣнить это названіе (которое, какъ извѣстно, есть неокончательное наклоненіе глагола), а это дѣлаемъ мы посредствомъ нашихъ *видовъ*. Для этого однакожъ нужна особая гибкость глаголовъ. О гибкости, разнообразіи и своенравіи русскихъ глаголовъ въ этомъ отношеніи распространяться намъ не за чѣмъ, да и нельзя. Извѣстно что ни одинъ изъ европейскихъ языковъ не можетъ соперничать съ

нашимъ въ этомъ отношенiи. Припомните эту цѣпь глаголовъ, означающихъ дѣйствiе, которое всего чаще встрѣчается въ жизни, — идти, перейти, дойти, пройти, уйти, сойти, недойти, взойти, изойти, найти, произойти, съ соотвѣтственными имъ : ходить, находить и проходить (уже дѣйствительные глаголы, ибо таковъ въ обоихъ случаяхъ смыслъ самаго дѣйствiя), доходить, проходить, уходить, сходить, недоходить, всходить, исходить, переходить, приходить, и съ происходящими отъ нихъ: хаживать, расхаживать, (дохаживать, по смыслу дѣйствiя нельзя — его и нѣтъ у насъ въ языкѣ), прохаживаться, ухаживать, (опять измѣненiе въ смыслѣ дѣйствiя, а потому и въ значенiи глагола). «Исхаживать» неупотребительно опять, потому что эта форма дѣйствiя и въ самой природѣ вещей рѣдко имѣетъ мѣсто. Глаголовъ же «происхаживать, схаживать, всхаживать» совсѣмъ нѣтъ, потому что дѣйствiе, которое могли бы они собою означать, слишкомъ условно [6]. Замѣтимъ еще, что изъ всѣхъ ново-европейскихъ языковъ въ одномъ русскомъ есть причастiя будущаго времени, каковы: «скажущiй, сдѣлающiй, призовущiй, напишущiй, должный, придущiй и проч.» Ихъ не употребляютъ, но они есть [7]. Намъ нельзя однакожъ распространяться о гибкости русскихъ глаголовъ въ означенiи мѣры дѣйствiя, потому во первыхъ, что не смотря на болѣе или менѣе удачныя теорiи грамматиковъ нашихъ, все еще системѣ ихъ не достаетъ окончательной полноты и очѐвидности

---

[6]) Эти небольшiя отрицательные примѣры мы привели именно съ тѣмъ, чтобы убѣдить нѣкоторыхъ изъ живущихъ у насъ иноплеменниковъ, что виды нашихъ глаголовъ совсѣмъ не произволъ и натяжка теоретиковъ. Напротивъ сiи послѣднiе еще довольно далеки отъ того, чтобы окончательно опредѣлить систему этихъ видовъ.

[7]) Полагаемъ, что причастiя въ языкѣ нашемъ развились преимущественно подъ влiянiемъ церковно-славянскаго языка. Отъ того и встрѣчаемъ мы ихъ только въ книжномъ употребленiи : въ устахъ народа ихъ нѣтъ. Если же такимъ образомъ получили начало свое причастiя настоящаго и прошедшаго времени, то нѣтъ никакой причины не ввести и причастiй будущаго времени. Какъ прекрасно сказалъ Пушкинъ :

Онъ *должный* быть отцемъ и другомъ
Невинной дочери своей.

сознанія, а во вторыхъ, потому что слово наше имѣетъ свои предѣлы. Какъ бы то ни было, вообще въ устройствѣ нашихъ глаголовъ нельзя не видѣть, какъ далеко умъ народа русскаго проникъ во внѣобразное (предметное, объективное, предлежательное, — какъ угодно) бытіе предметовъ. Слѣдуетъ однакожъ вывести заключеніе. Характеръ русской рѣчи, въ отношеніи къ словообразованію, заключается въ могучей свободѣ и легкости этого образованія, равно какъ и въ живомъ и вѣрномъ соотвѣтствіи именъ и глаголовъ съ явленіями самой природы.

Теперь — лексическая сторона языка русскаго. Тутъ глубина и вѣрность его философіи еще очевиднѣе, потому что проявляется не въ свойствахъ и характерѣ рѣчи, а въ *смыслѣ и значеніи словъ*, непосредственно выражающихъ понятія и помыслы ума. Реченія и слова въ каждомъ языкѣ почти безчисленны, а потому въ настоящемъ случаѣ мы должны сдѣлать выборъ, и тѣмъ ограничить предѣлы своего изложенія. Мы изберемъ, какъ впрочемъ и слѣдуетъ, въ языкѣ русскомъ во первыхъ сферу тѣхъ словъ, которыя относятся *къ умственному міру человѣка*, и потомъ во вторыхъ нѣкоторыя изъ словъ, относящихся къ другимъ сферамъ, но такимъ, которыя выражаютъ общую и слѣдовательно идеальную сторону въ бытіи предметовъ. Въ словахъ этого рода, разумѣется, наиболѣе высказывается мудрость языка.

Достойно замѣчанія, что дѣятельность разумѣнія человѣческаго, во всемъ своемъ развѣтвленіи, опредѣляется въ языкѣ нашемъ съ совершенной полнотою и очевидной вѣрностію, какъ, можно сказать, ни въ какомъ другомъ европейскомъ. Система реченій этого рода у насъ сама въ себѣ содержитъ полную схему любомудрія и психологіи, безъ всякихъ усилій и натяжекъ со стороны теоріи. Чтобы понять организмъ умствованія, стоитъ только уразумѣть смыслъ отдѣльныхъ реченій, къ нему относящихся въ нашемъ языкѣ, — взаимоотношеніе и связь умственныхъ силъ прояснятся сами собою. Вотъ рядъ этихъ словъ въ соотвѣтствіе съ силами и развитіемъ самого мышленія: *чутье*

(инстинктъ), какъ первое направленіе къ различенію предметовъ путемъ, лишеннымъ всякаго сознанія; *смыслъ*, какъ первоначальное пробужденіе разума въ сознаніи, лишенное впрочемъ самосознанія; *разумъ* — коренная сила сознанія и мышленія (все что носитъ названіе человѣка — разумно); отъ смысла истекаютъ двѣ силы: *здравый смыслъ*, тоже что разумъ, достигшій зрѣлости, и *смышленость*, когда разумъ, разлагая явленія и приходя въ затрудненіе по ихъ запутанности, принужденъ догадываться, смекать. Отъ разума, какъ отъ общей силы разумѣнія, истекаютъ двѣ новыя силы духа: *умъ*, какъ высшее направленіе того же разума къ наукѣ и познанію, и *разсудокъ*, какъ направленіе его къ практической дѣятельности въ жизни. Очевидна теоретическая разница въ значеніи словъ: разумный, умный, разсудительный. Какъ просто и общепонятно разграничены и опредѣлены во всемъ этомъ дѣйствія и силы мыслящаго духа нашего. Можемъ ли тоже сказать о соотвѣтственныхъ этимъ реченіямъ словахъ на примѣръ французскихъ? Они неопредѣленны и недостаточны: la raison, le bon sens, l'ésprit не выражаютъ еще всѣхъ силъ или направленій разумнаго духа нашего; при томъ же первое и третье изъ этихъ словъ имѣютъ нѣсколько другихъ значеній. Въ словахъ же intelligence, entendement не ясно различаются силы умственной дѣятельности отъ самой этой дѣятельности, какъ это и находимъ мы у лучшихъ мыслителей французскихъ Ройе-Колара, Кузеня и другихъ. Иное у насъ: разумъ и разумѣніе, умъ и умствованіе.

Нельзя по истинѣ не удивляться глубокомыслію съ какимъ составлены геніемъ народа нашего слова: разумъ, умъ и разсудокъ, при всей ихъ видимой простотѣ. Умъ — очевидно коренное слово; разумъ — производное отъ него; но въ значеніи, которое придано этимъ словамъ, умъ происходитъ отъ разума и есть только высшая его степень. Отъ чего же это? отъ того, что высшая, божеская сущность разумѣнія сама въ себѣ единична и отрѣшена отъ всего преходящаго, являющагося: таковъ *умъ*. Но таже сущность духа, переступая въ міръ явленій, ограничи-

вается въ своей дѣятельности, разлагаетъ, разбираетъ, дѣйствуетъ не отвлеченно, какъ въ теоріи и высшемъ познаніи, а аналитически, уразумѣніемъ; это — *разумъ*. Что однакожъ въ развитіи мыслящей дѣятельности предшествуетъ? очевидно анализъ, уразумѣніе предшествуетъ синтезу, отвлеченію. Если позволено сказать, умъ дѣйствуетъ прежде какъ разумъ, а потомъ уже какъ умъ — собственно. Поелику же и умъ и разумъ суть одинъ и тотъ же духъ, только въ разныхъ степеняхъ дѣйствующій и согласно съ этимъ получающій разныя названія, какъ дѣятель или сила, то мы можемъ сказать, что разумъ, въ развитіи мышленія, есть первая степень ума и даже, что сей послѣдній истекаетъ изъ него и есть не что иное, какъ его высшая сторона. Обоимъ словамъ этимъ слѣдовательно смыслъ народа русскаго придалъ историческое значеніе, т. е. означилъ ими *степени* развитія духа нашего въ мышленіи, степени (или стороны пожалуй), кои такъ очевидно дополняются словомъ: *разсудокъ*. Русскій умъ понялъ, что коренную силу мышленія должно отличать отъ силы его, дѣйствующей въ высшемъ познаніи, какъ и отъ той, которая обнаруживается въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни. Нѣмецкія Verstand и Vernunft объемлютъ мыслящую дѣятельность духа совсѣмъ съ другой стороны. Они объемлютъ ее не со стороны ея развитія, а въ ея построеніи, въ ея первоначальныхъ *способахъ*, какъ силу сужденія и силу умозаключенія. Вотъ почему въ нѣмецкомъ языкѣ только два слова для означенія дѣятельности мысли, а въ русскомъ три. Тамъ теоретическая точка зрѣнія; здѣсь — историческая. Не указываетъ ли это при томъ и на различіе въ первоначальномъ, умственномъ образованіи двухъ народовъ.

Далѣе, какъ вѣрно и во всѣхъ оттѣнкахъ уловилъ геній языка нашего разныя стороны въ дѣйствіи самой мысли! Разберите что такое: разумѣніе, уразумѣніе, мышленіе, размышленіе, смекапіе, пониманіе, сужденіе, обсуживаніе, умозрѣніе, отвлеченіе, знаніе, познаніе, познаваніе, вѣденіе. Всѣ эти слова столь же очевидны въ своемъ значеніи, потому

что говорятъ сами за себя. Ими рѣзко и въ точности опредѣляются тончайшіе изгибы нашей мыслящей силы въ ея дѣятельности. Прибавимъ къ этому слова: истина, въ теоретическомъ значеніи, правда въ практическомъ, истинность, какъ свойство нашей мысли. Всѣ они находятъ одно только соотвѣтственное себѣ слово въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, la vérité, die Wahrheit (le vrai, das Wahre — истинное). Сюда же должно отнести: истость съ болѣе употребительнымъ производнымъ: истый, тоже что нѣмецкое echt.

Слова, выражающія идею правоты нравственной и юридической, въ языкѣ нашемъ опредѣлены съ удивительной точностію. Вотъ они: законность, какъ общее удовлетвореніе какому либо закону нравственному или юридическому, справедливость, Billigkeit т. е. отступленіе отъ закона юридическаго изъ уваженія къ закону нравственному, правомѣріе и правомѣрность — строгое соблюденіе закона положительнаго, юридическаго [8], правосудіе есть уже законность судіи въ рѣшеніи дѣла; (отсюда: правосудный приговоръ, правомѣрный т. е. законный, согласный съ правомъ, поступокъ).

Въ словахъ, относящихся къ міру нравственному, таже полнота и точность въ опредѣленіи всѣхъ его сторонъ и оттѣнковъ. Таковы: благо, въ отвлеченномъ, теоретическомъ значеніи, благость, какъ свойство, и добро, въ практическомъ смыслѣ; доброта, добродѣтель; честь (по польски honor) и доблесть, свое коренное слово, вполнѣ замѣняющее: героизмъ; смиренномудріе и цѣломудріе; дружба, дружество и пріязнь; родство и свойство; чествованіе, уваженіе и почтеніе; любовь, преданность и привязанность; хитрость, лукавство, коварство и вѣроломство; измѣна и предательство; обманъ и поддѣваніе; зло и нечестіе; развратъ и распутство; горесть, грусть, тоска и печаль; упрекъ, укоръ и укоризна; недоумѣніе, сомнѣніе, недовѣріе и другія.

---

[8]) Собственно правомѣрный и юридическій суть одно и тоже. Только второе изъ нихъ, какъ терминъ науки, есть техническое и чужое, а первое составлено у себя.

Точно тоже должно сказать о словахъ, относящихся къ изящной дѣятельности духа и вообще къ міру искуствъ. Вотъ эти слова: творчество есть общая сила духа нашего творить въ наукѣ, искуствѣ и быту гражданскомъ, искуство, какъ творчество въ кругу изящнаго непосредственно, художество, какъ степень искуства, доступная и обыкновенному дарованію [9]), ремесло, какъ производство предметовъ полезныхъ безъ всякаго притязанія на изящество высшее. Слова, опредѣляющія самую идею изящнаго, суть: изящество, какъ общее въ отношеніи къ лѣпотѣ, изяществу высшему, божескому, — красотѣ, изяществу въ образѣ, въ спокойномъ пребываніи, и — прелести (граціи), изяществу въ игрѣ, въ движеніи. Замѣтимъ еще, что понятіе о юморѣ у насъ въ народѣ выражается своими: труна, трунить, трунило [10]).

Въ области естествовѣденія мы отличаемъ: естество и природу. Одно это послѣднее слово стоитъ многаго. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ оно означается словомъ натура, которое изгнано изъ нашего языка. Слово вещество также свое и замѣняетъ слово матерія [11]), которое осталось у насъ только въ ограниченномъ, патологическомъ значеніи. Нѣмецкое Stoff ближе къ нашему слову: начало, но въ смыслѣ стихіи. Слово стихія есть греческое, но совершенно усвоено нами и замѣняетъ слово элементъ [12]). Какъ разнообразны и вмѣстѣ опредѣлительны слова: тяжесть, тяжелость, тяжеловатость, тяготѣніе и тягота. Слова свѣтъ, свѣтозарный и свѣтоносный, отсвѣтъ, заря, озареніе, сіяніе,

---

[9]) Художество ниже искуства по значенію; но «искуственный,» въ противоположность «естественному, природному,» въ свою очередь ниже «художественнаго», которое показываетъ оконченность, полноту и совершенство во внѣшнемъ, техническомъ исполненіи произведенія изящнаго.

[10]) Кто понимаетъ въ точности наши народныя слова: труна и трунить, равно какъ и слово: юморъ, приводимое въ эстетикахъ, тотъ согласится съ нами и не найдетъ въ словахъ нашихъ натяжки.

[11]) Это замѣтилъ еще П. Калайдовичъ въ своемъ: Опытѣ словаря русскихъ синонимовъ М. 1818.

[12]) Начало — въ смыслѣ болѣе идеальномъ, стихія — вещественномъ.

мерцаніе, мельканіе, яркость, блескъ, отблескъ, лучь, отлучь, какъ вторая половина преломленнаго луча, выражаютъ всѣ самыя различныя стороны и дѣйствія той силы, которая животворитъ землю. Замѣтимъ при этомъ, ежели въ горахъ Германіи сверкаетъ стрѣлообразная Blitz, то у насъ на равнинахъ сіяетъ полная молнія. Подраженіе явленіямъ природы въ обоихъ языкахъ удивительное. Что сказать о томъ же разнообразіи и полнотѣ словъ, означающихъ явленія, относящіяся къ слуху, каковы: звукъ, зыкъ, шумъ, шорохъ, говоръ, отголосокъ (эхо), грохотъ, раскатъ грома, брякотня, стукъ, топотъ, крикъ, визгъ и множество другихъ.

Разсмотрѣвъ слова, выражающія главныя и такъ сказать коренныя и первоначальныя понятія въ мірѣ умственномъ, нравственномъ и изящномъ и въ области естествовѣденія мы находимъ, что языкъ русскій удивительно полонъ, разнообразенъ и опредѣлителенъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, находимъ, что силою своего генія, самъ собою, своими словами онъ разграничилъ и опредѣлилъ систему всѣхъ этихъ понятій. Философія народа нашего въ языкѣ его становится для насъ понятной. Пусть назовутъ слово наше панегирикомъ языку русскому; мы не боимся этого обвиненія: правота дѣла на нашей сторонѣ. Можно сказать утвердительно, что изъ всѣхъ европейскихъ языковъ только нѣмецкому и русскому досталось въ удѣлъ свое собственное, самобытное и непосредственное пониманіе и опредѣленіе явленій природы и міра нравственнаго. Ежели же обратимся къ философіи исторіи, то найдемъ и разгадку этого явленія. Народы югозападной Европы, племена романскія, призваны были къ тому, чтобы воспринять и претворить въ себя образованіе древле-классическаго міра: отъ того-то практическій Римъ въ языкѣ своемъ и преподалъ имъ всѣ свои первоначальныя понятія и постиженія [13]). Народамъ германскимъ

[13]) Замѣтимъ въ оправданіе свое, что Дантъ, Тассъ и Аріостъ велики, какъ представители своихъ эпохъ; но умственныя и особенно нравственныя начала Христіанской Европы не высказались въ нихъ съ такой полнотою и ясностію, какъ въ Шекспирѣ и Гете. Въ поэтахъ Италіи

суждено было уже создать самобытный міръ поэзіи и науки: въ соотвѣтствіе этому и языкъ нѣмецкій своеобразенъ и глубокъ въ высокой степени. Въ англійскомъ — слова, выражающія основныя понятія изъ міра нравственнаго и общественной жизни, имѣютъ германскіе корни [14]). Наша исторія и нашъ языкъ указываютъ на то, кто въ этой чредѣ образованій призванъ возсоздать со своей національной точки зрѣнія идеалы прекраснаго и истиннаго и дать однимъ изъ нихъ новый видъ, а другимъ новое приложеніе. И опять видимъ мы тутъ, въ какой мѣрѣ языкъ есть первый органъ духовной жизни народа.

Переходимъ теперь къ словамъ западно-европейскимъ въ языкѣ русскомъ. Наше сближеніе съ западной Европой, которое началось съ первыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, есть дѣло совсѣмъ не случайное, не произвольное. Это — сближеніе жизненное и необходимое, которое имѣетъ свое глубокое, историческое основаніе. Оно знаменуетъ собою передачу успѣховъ обще-человѣческой образованности изъ рукъ въ руки. Чужеземцы, современники Петра Великаго, смотрѣли на него уже не какъ на простаго подражателя; но только въ наше время видимъ мы всю великость дѣлъ его. Понятно, что принявъ внѣшнія формы западно-европейской образованности, равно какъ и результаты ея успѣховъ въ наукахъ и искуствахъ, мы должны были усвоить и нѣкоторыя слова, относящіяся къ понятіямъ и предметамъ нами заимствованнымъ. Эти заимствованныя слова мы должны однакожъ раздѣлить на два отдѣла. Къ первому необходимо отнести слова и выраженія, составляющія въ языкѣ нашемъ наслѣдіе классической Древности, полученное нами чрезъ

только зародышъ этихъ началъ. Указываемъ на разницу въ характерахъ Клотильды и Ангелики съ одной, и Офеліи и Гретхенъ съ другой стороны. Беатриса Данта есть образъ чисто символическій

[14]) Такъ, на примѣръ, нѣмецкое Geist, въ смыслѣ спирта, выражается англійскимъ spirit, а въ смыслѣ духа, души словомъ: ghost. Таковы же англійскія слова: understanding — Verstand, разумъ, soul — Seele, душа, love — Liebe, любовь, (но привязанность — уже французское affection, только произносимое иначе), friendship — Freundschaft, дружба и другія, германскіе корни коихъ очевидны.

посредство Византіи и Запада. Ко второму отдѣлу сами собою переходятъ слова собственно западно-европейскія въ языкѣ нашемъ. При сихъ то послѣднихъ словахъ должны мы показать какія стороны жизни опредѣляютъ они собою.

Сфера реченій, которую наслѣдовали мы отъ классической Древности, преподавшей Христіанской Европѣ первые уроки въ любомудріи и искуствѣ, составляетъ достояніе общее всѣмъ европейскимъ языкамъ. Эти слова, какъ выраженія понятій данныхъ, получившихъ техническое значеніе, приобрѣли полное право гражданства въ наукѣ, по мѣрѣ того, какъ она составляетъ достояніе всего человѣчества. Таковы слова: теорія, исторія, критика, ѳеологія, ѳеогонія, космогонія, философія, физика, химія, грамматика, реторика и проч. и проч. Таковы еще слова геній [15] и идея [16], хотя сіе послѣднее у насъ во многихъ случаяхъ можетъ быть замѣнено словомъ помыслъ. Замѣтимъ при этомъ, что слово талантъ, и безъ того уже какъ то не согласное съ русскимъ ухомъ [17], значитъ совершенно тоже, что дарованіе. И талантъ, и дарованіе равно означаютъ способность подражать, исполнять (какъ на примѣръ въ музыкѣ) или и сочинять свое, но не отличающееся высокой самобытностію, въ противоположность генію, способности творить новое и самобытное. Какъ между творчествомъ и подражаніемъ нѣтъ ничего средняго, такъ нѣтъ его и между геніемъ и дарованіемъ. Подраздѣленія же того и другаго вышли бы безконечны. Распространяться однакожъ о реченіяхъ этой

---

[15]) Геній есть слово греческое отъ *γείνω, γένω, γενέω* — рождаю и означало у Древнихъ божество, которое присутствовало при рожденіи каждаго человѣка и сопровождало и хранило его во всю жизнь. Идеалъ этотъ, созданный свѣтлою фантазіей греческой, заключаетъ въ себѣ нѣчто близкое къ сердцу каждаго человѣка, нѣчто такое, во что онъ по неволѣ вѣритъ. Новѣйшіе же народы обрѣли въ вѣрованіяхъ Христіанства понятіе объ Ангелѣ-Хранителѣ, а потому, слово геній отнесли къ силѣ врожденнаго творчества, которая все таки человѣку кажется чѣмъ то необыкновеннымъ, сверхъестественнымъ.

[16]) *Ἰδέα* — проницаніе души, образъ или представленіе вещи въ умѣ, отъ *εἴδω* — вижу и знаю, ибо посредствомъ идеи разумъ нашъ созерцаетъ и познаетъ вещи.

[17]) Въ народѣ говорятъ просто *таланъ*, въ смыслѣ удачи, счастія.

сферы нѣтъ надобности, потому во первыхъ, что она извѣстна, ограничена и не допускаетъ касательно себя никакихъ преній, а во вторыхъ потому что имѣетъ свое историческое, всечеловѣческое значеніе.

Точно такое же строгое разграниченіе должны мы сдѣлать между словами западно-европейскими собственно въ языкѣ нашемъ. Только въ этомъ случаѣ законность и важность ихъ содѣлаются для насъ совершенно понятными. Тутъ, какъ извѣстно, множество словъ относится во первыхъ — къ мореходству и кораблестроенію; во вторыхъ — къ дѣлу военному и воинскому, каковы: армія, батальонъ, эскадронъ, аванпостъ, арріергардъ, авангардъ, эшелонъ, пикетъ, бастіонъ, солдатъ, офицеръ, генералъ и проч.; въ третьихъ — къ частной жизни и домашнему быту, каковы: кучеръ, лакей, фракъ, сюртукъ, троттуаръ, шоссе, шлагбаумъ, балконъ, павильонъ и проч.; въ четвертыхъ — къ быту гражданскому и ученому, каковы: публика, министерство, коллегія, департаментъ, карантинъ, губернія, полиція, университетъ, гимназія, академикъ, профессоръ, классъ и проч. [18]) Въ строгомъ смыслѣ въ этихъ четырехъ отдѣлахъ заключаются всѣ слова этого рода въ языкѣ нашемъ. Появленіе ихъ въ немъ объясняется причинами, показанными выше и нисколько не предосудительными для него. Всѣ они относятся не къ внутреннимъ и задушевнымъ понятіямъ и чувствамъ, — что̀ показало бы бѣдность и ума и сердца, — но къ внѣшнимъ явленіямъ и сторонамъ жизни и образованности, въ которой служимъ мы точно такими же наслѣдниками Запада, какъ древняя Греція наслѣдовала образованность первобытнаго Востока, Римъ гражданственность и образованность Греціи, и Западъ тоже самое наслѣдовалъ отъ Рима. Повторяемъ принятіе всѣхъ этихъ словъ нисколько не унизительно для народнаго самолюбія: они не относятся къ первымъ и необходимымъ движеніямъ ума и сердца,

---

[18]) Нѣкоторыя изъ этихъ словъ имѣютъ древніе корни, но перешли къ намъ съ Запада.

которыя, какъ показали мы выше сего, находятъ для себя въ языкѣ нашемъ выраженіе самое разностороннее и притомъ болѣе полное нежели въ какомъ либо другомъ языкѣ европейскомъ, исключая нѣмецкій, который одинъ можетъ соперничать съ нашимъ и то отчасти въ этомъ отношеніи. Останавливаться слѣдовательно на словахъ этого рода намъ не за чѣмъ. Напротивъ мы должны обратить вниманіе на тѣ изъ западно-европейскихъ словъ въ языкѣ нашемъ, которыя имѣютъ болѣе важное значеніе и которыхъ и нельзя, и не къ чему замѣнять. Таковы на примѣръ слова: эгоистъ, національный, которое означаетъ не всегда тоже, что и народный, мода, конечно не то что обычай, фактъ, дилетантъ, не совсѣмъ тоже что любитель, фейерверкъ, премія, не тоже что и награда, увертюра, театральная пьеса и другія. Слова эти замѣняются у насъ своими только съ нѣкоторою натяжкой. Такимъ образомъ слово фактъ пытались у насъ замѣнить словомъ : быть, но это послѣднее реченіе какъ то неловко и не вошло въ употребленіе. Пока однакожъ не придумано своего лучшаго, пусть оно остается ; свое же хорошее конечно предпочтительнѣе чужаго столь же хорошаго. Сюда же относятся и еще нѣсколько словъ, которыхъ мы не приводимъ здѣсь, именно потому что предѣлы слова не позволяютъ этого.

За то есть много такихъ словъ, которыя, относясь къ дѣлу науки и искуства, не только чужды языку русскому, но и излишни. Должно замѣтить еще, что употребленіе ихъ по большей части произвольно и зависитъ отъ личнаго образа мыслей и еще болѣе отъ образованія самого пишущаго. Потому опять всѣхъ ихъ исчислить и перебрать здѣсь мы не можемъ, да и не за чѣмъ : должно надѣяться, что успѣхи самобытной, отечественной учености вытѣснятъ ихъ мало по малу, какъ вещь совершенно ненужную и лишнюю. Быть не можетъ при томъ, чтобы и голосъ самоуваженія и любви къ своему родному и самое дѣло наконецъ не одержали побѣды надъ тѣмъ направленіемъ, которое дорожитъ блестками и мишурой выраженія и мыслей, за недостаткомъ конечно чего

либо другаго, болѣе существеннаго. Ограничимся словами: цивилизація, прогрессъ, наивный и реформа наиболѣе употребительными.

Слово: цивилизація, какъ извѣстно происходитъ отъ civis, civitas. Первый пустилъ его въ ходъ и во всеобщее употребленіе Гизо своимъ сочиненіемъ Histoire générale de la civilisation en Europe (P. 1828). До него хотя и знали и употребляли его, но оно не было въ такой модѣ. Что выражаетъ собою слово цивилизація? отвѣчаемъ возможно ближе къ сущности дѣла: это — тѣ политическія и гражданственныя, или государственныя и общественныя формы, которыя какой либо народъ восприняль въ своемъ историческомъ развитіи и въ коихъ онъ какъ бы установился. Таково ближайшее и болѣе ограниченное значеніе слова цивилизація. Въ смыслѣ болѣе обширномъ оно означаетъ всѣ вообще успѣхи и пріобрѣтенія, какія извѣстный народъ сдѣлалъ въ области наукъ, искуствъ, промышленности и вообще въ просвѣщеніи. Понятно впрочемъ, что эти успѣхи и пріобрѣтенія предполагаютъ собою устройство общественное, гражданское и какое либо политическое значеніе. Потому то оба эти значенія весьма приличны слову цивилизація. Но слово это въ языкѣ нашемъ есть чужое; мало того: пять тонкихъ согласныхъ *(ц, в, л, з, ц)*, и четыре раза повторенная буква *и* какъ то оскорбляютъ русское ухо, предпочитающее, какъ извѣстно, всегда звуки полногласные. При томъ для человѣка мало посвященнаго въ тайны науки оно и не совсѣмъ понятно. Словомъ, выраженіе цивилизація есть ученый терминъ. Кажется не худо замѣнить его живымъ русскимъ словомъ, тѣмъ болѣе что богатый языкъ нашъ предупреждаетъ насъ въ этомъ случаѣ. Въ полное соотвѣтствіе двумъ вышеозначеннымъ значеніямъ слова цивилизація, — значеніямъ, кои по мнѣнію нашему не подлежатъ оспариванію, — у насъ есть два слова: гражданственность, какъ тотъ характеръ, тотъ способъ и образъ, въ коемъ установились внѣшнія гражданскія формы народа, и образованность, какъ извѣстный характеръ его умственнаго, художественнаго и промышленнаго образованія и быта.

Слово образованность имѣетъ значеніе довольно общее (именно, какъ совокупность извѣстныхъ формъ образованія); а потому можетъ отнесено быть и къ цѣлому народу, и къ отдѣльному лицу. Слово же гражданственность, имѣя одинъ и тотъ же корень со словомъ цивилизація (civitas — гражданство) совершенно замѣняетъ его собою въ тѣснѣйшемъ, показанномъ выше его значеніи. Надобно признаться, что слово цивилизація, какъ чужеземное, имѣетъ менѣе опредѣленности, нежели русскія: гражданственность и образованность, а потому представляетъ болѣе свободы, произвола и удобства въ употребленіи своемъ. Самъ Гизо едва ли со всей строгостію сознавалъ что разумѣлъ онъ подъ словомъ civilisation: гражданственность ли въ частности, или образованность вообще. По нашему мнѣнію замѣненіе слова цивилизація — смотря разумѣется по двоякому смыслу его и потому какое именно изъ двухъ понятій разумѣемъ мы подъ нимъ, — двумя русскими словами, означенными выше, выгодно для самобытнаго и болѣе опредѣленнаго взгляда на общественную жизнь, выгодно для самого дѣла, для науки. Въ словѣ же цивилизація болѣе неопредѣленности, а потому болѣе возможности съ одной стороны скрыть неточность мысли, а съ другой блеснуть щеголеватымъ словомъ.

Что касается слова прогрессъ, то по прямому, здравому смыслу, на всѣхъ европейскихъ языкахъ оно значитъ успѣхъ (Fortgang, Fortschritt). Кажется и спорить бы не о чемъ, а просто употреблять свое слово вмѣсто чужаго. Но нѣкоторые у насъ хотятъ разумѣть подъ нимъ тоже что «степень развитія», присовокупляя что въ этомъ значеніи слово прогрессъ можетъ означать и не-успѣхъ. Подобная натяжка однакожъ въ значеніи слова, и къ тому же еще не своего, а чужаго, а слѣдовательно не всякому со всей очевидностію понятнаго, не идетъ: и французы, хоть не совсѣмъ правильно, говорятъ progrès de developpement и нѣмцы гораздо вѣрнѣе ein Grad der Entwickelung, въ совершенное соотвѣтствіе нашему выраженію: степень развитія.

Замѣтимъ, что точно также столь охотно многими употребляемое слово: наивный очевидно и въ точности значитъ тоже, что и простодушный [19].

Что сказать о словѣ реформа? буквально и въ точности переводится оно русскимъ: преобразованіе и трудно дать этому слову какое либо другое значеніе [20].

Не упоминаемъ о множествѣ иностранныхъ словъ безъ всякой нужды употребляемыхъ въ языкѣ нашемъ. Таковы: кризисъ (переломъ или переворотъ — смотря по смыслу), манускриптъ, эскисъ, войяжъ [21], претензія (притязаніе), мораль (нравственность), феноменъ (явленіе), руины, резонъ, интересъ (выгода), спектакль (зрѣлище или представленіе), принципы (начала), продукты (произведенія), коллизія (столкновеніе), экспрессія (выраженіе), манеръ (способъ, манерность въ художествахъ — дѣло другое), сатисфакція (удовлетвореніе), викторія, баталія, репутація (извѣстность) и многія другія [22].

Слова эти мало по малу и сами собою выходятъ изъ употребленія, какъ вышли изъ него: променада, увражъ, авантажъ, сюжетъ, приводимыя теперь развѣ въ шутку. Но что нужды? пусть тѣ изъ нихъ, которыя менѣе оскорбляютъ смыслъ народной рѣчи нашей остаются въ ней, какъ излишній, но не тяжелый грузъ. Самопроизвольному разви-

---

[19]) Развѣ не тоже: «какъ онъ наивенъ» и «какъ онъ простодушенъ»? Но русскій умъ подмѣтилъ опять особую болѣе чувствительную сторону простодушія. Это простосердечіе.

[20]) Замѣтимъ въ вящее оправданіе свое, что словъ цивилизація, реформа и прогрессъ нѣтъ и въ словарѣ церковно-славянскаго и русскаго языка, изданномъ отъ академіи наукъ въ началѣ нынѣшняго года.

[21]) Слово путешествіе и слишкомъ длинно, и не отличается особенной ловкостію состава, каково на примѣръ слово предметъ, а вошло же во всеобщее употребленіе.

[22]) Въ 49 № на стр. 39 Московскихъ вѣдомостей за этотъ годъ встрѣтили мы два выраженія, принадлежащія собственно Владимірскимъ и Ярославскимъ губернскимъ вѣдомостямъ. Выраженія эти суть: «на темно-голубомъ *фонѣ* неба» (не лучше ли просто: на темно-голубой *поверхности* неба или хоть, какъ ни странно, на темно-голубомъ *полѣ* неба, или какъ нибудь иначе?) и другое: «Волга два раза уже *пробовала* (пыталась) двинуться.»

тію народнаго ума въ народномъ словѣ они ни сколько не мѣшаютъ. Есть понятія и открытія, которыя восприняты нами отъ Запада, которымъ ничего соотвѣтственнаго, своего нѣтъ у насъ и которыя мы не можемъ отстранить отъ себя: пусть вмѣстѣ съ ними остаются и слова, какія на примѣръ привели мы въ началѣ. Но разборчивость въ отношеніи къ словамъ иноязычнымъ вообще необходима, а тѣмъ болѣе къ тѣмъ, которыя выражаютъ понятія изъ міра отвлеченнаго, духовнаго или нравственнаго. Корнями словъ и самими словами этого рода и самъ по себѣ богатъ языкъ нашъ [23]). Подобныя же имъ, чуждыя реченія, насильственно вторгаясь въ его святилище, оскорбляютъ его и затемняютъ смыслъ народнаго пониманія. Каждый народъ, какъ и каждый человѣкъ, долженъ и мыслить, и выражаться самостоятельно.

Многіе найдутъ можетъ быть въ словахъ нашихъ о русскомъ языкѣ преувеличенныя похвалы ему. Обвиненіе это едва ли справедливо, но сами судить о немъ мы не въ правѣ. Признаемся однакожъ, что рѣчь эта писана подъ вліяніемъ тѣхъ чувствъ, которыя при настоящихъ смутахъ въ западной Европѣ, не могутъ не возникать въ душѣ каждаго русскаго и которыя такъ вѣрно и прекрасно высказаны княземъ П. А. Вяземскимъ въ его стихотвореніи: Святая Русь. Кто не чувствуетъ вмѣстѣ съ поэтомъ и не повторяетъ словъ его:

Какъ въ эти дни годины гнѣвной
Ты мнѣ мила, святая Русь!
Молитвой теплой, задушевной
Какъ за тебя въ тѣ дни молюсь!

* * *

Какъ дорожу моей любовью
И тѣмъ, что я твой сынъ родной!
Какъ сознаю душой и кровью
Что кровь твоя и духъ я твой!

---

[23]) Замѣчу для примѣра, какъ удачно придумано слово: предметъ, а оно вошло въ употребленіе едва ли ранѣе прошедшаго столѣтія.

Такимъ образомъ значеніе западно-европейской стихіи въ языкѣ нашемъ показано. Таково значеніе ея и въ самой жизни нашей. Пора подражанія прошла. Мы будемъ житъ своимъ умомъ и чувствомъ, своими силами, — и мы совершимъ свое призваніе въ судьбахъ человѣчества. Сколь ни молода наша образованность, мы сознали и высказали уже свои завѣтныя чувства и задушевные полеты фантазіи въ школѣ поэтовъ самобытныхъ, во главѣ своей имѣющихъ Пушкина. Конечно мы не можемъ сказать того же касательно философіи, наукъ естественныхъ, математическихъ. Вѣка и образованія предшествовавшія сдѣлали на этомъ полѣ знанія столько, что намъ прежде нежели двинуть общее дѣло впередъ, надлежитъ усвоить и переработать въ горнилѣ собственнаго ума и пониманія несмѣтные результаты древле-классической и западно-европейской мудрости. Въ этомъ отношеніи задача русской учености впереди. Эта задача, сколько соображенія разнаго рода данныхъ и общихъ результатовъ въ дѣлѣ учености, позволяютъ опредѣлить ее, состоитъ въ сближеніи, соглашеніи и возведеніи къ единству сознанія всѣхъ выводовъ, которыми человѣчество обязано созерцательному и трудолюбивому генію Германцевъ, практическому любомудрію Англичанъ и фактическимъ - преимущественно изысканіямъ Французовъ. Прежде однакожъ — свое законодательство, своя исторія и свой языкъ. Этими то тремя важными задачами въ отношеніи къ своему отечеству занята современная русская ученость. По всѣмъ этимъ отраслямъ подвизается у насъ много ревностныхъ и даровитыхъ тружениковъ, такъ что дѣло народнаго самопознанія, этотъ залогъ всѣхъ будущихъ успѣховъ гражданственности и образованности, идетъ у насъ впередъ на началахъ прочныхъ, утвержденныхъ самимъ Правительствомъ. Въ этомъ отношеніи, позвольте мнѣ Мм. Гг. указать на три важнѣйшіе факта, принадлежащіе современному Царствованію и служащіе краеугольными камнями во всѣхъ изслѣдованіяхъ по тремъ вышеозначеннымъ отраслямъ ученаго труда. Это изданіе Полнаго собранія законовъ Россійской имперіи и еще болѣе Свода законовъ ея,

это во вторыхъ труды и изданія Археографической комиссіи, это наконецъ изданіе Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка, совершенное Академіею наукъ въ недавнее время. Таковы задачи и основные труды въ дѣлѣ народнаго самопознанія. Повторяемъ задача наша въ отношеніи къ обще-человѣческой мудрости еще въ будущемъ. Но и тутъ, на этомъ поприщѣ, мы находимъ вѣрное ручательство успѣховъ положительныхъ. Оно — въ языкѣ нашемъ, въ томъ, что «умный и бодрый» народъ нашъ, самъ собою, силою своего генія и первоначальнаго постиженія, созналъ въ языкѣ своемъ самыя высокія и отвлеченныя, умственныя и нравственныя стороны природы и жизни и выразилъ ихъ съ изумительной опредѣлительностію. Сѣмя это не можетъ не принести своихъ плодовъ. По этому самому великъ подвигъ Академіи нашей, которая словаремъ своимъ, изданнымъ съ такой тщательностію, привела въ сознаніе и съ точностію опредѣлила богатый родникъ народнаго слова. Какихъ слѣдствій, благихъ и прекрасныхъ не обѣщаетъ собою этотъ подвигъ, ею совершенный при одобрительномъ вниманіи Сановника, имя котораго въ лѣтописяхъ нашего народнаго просвѣщенія и образованія будетъ вѣчно произносимо съ благоговѣйной благодарностію. Такъ, пора народнаго самопознанія, самоуваженія настала. И этотъ великій фактъ есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ вѣнковъ царствованія Монарха, котораго отеческая заботливость о благѣ народа, самимъ Промысломъ Десницѣ Его ввѣреннаго, производитъ то, что каждый истый русскій несетъ Ему привѣтъ сердца и титло Царя, Отца Отечества, какъ нѣкогда предки наши несли ихъ Пращуру Его, великому преобразователю Руси.

